

УДК 94(47).01
ББК 63.3(2)2-9

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

А.С. Скрипкин

Античные авторы обычно приводят завышенные данные, имеющие отношение к определению численности сарматского населения. Используемые в конце прошлого века методики решения этой проблемы дают противоречивые результаты. Для определения численности сарматского населения Нижнего Поволжья более объективные данные дают материалы калмыцкой этнографии, поскольку калмыки также вели кочевой образ жизни и занимали ту же экологическую нишу, что и сарматы в раннем железном веке.

Ключевые слова: сарматы, аорсы, демография, этнография, калмыки.

Одной из проблем в изучении истории сарматов является определение их численности в любом из локальных районов, в которых они обитали достаточно длительное время. Речь в данном случае идет не о том, сколько проживало людей на протяжении раннесарматского, среднесарматского или позднесарматского времени, а об одновременном срезе, в данный конкретный момент в любом из периодов. В качестве исследуемого региона можно взять Нижнее Поволжье и, возможно, несколько шире, включив значительную часть Северного Прикаспия и междуречье Волги и Дона. Эта территория достаточно плотно была освоена сарматами во все времена их существования.

В письменных источниках имеются в виду сочинения античных авторов, иногда приводятся данные, касающиеся численности воинских контингентов, отдельных кочевнических объединений, в том числе и сарматов. Поскольку в кочевых обществах все взрослое мужское население являлось воинами, то есть возможность подсчитать общее количество населения того или иного объединения. Однако современные исследователи считают,

что данные древних авторов о численности войск традиционно завышаются. Достаточно вспомнить сведения Геродота о численности армии Ксеркса, направляемой в Грецию, она превышала 5 миллионов человек. Кто-то из военных историков подсчитал, что если бы передовые отряды этой армии подходили к Средней Греции, то последние только бы выходили из Сард в Малой Азии, где первоначально формировалась армия Ксеркса.

Что касается нашей темы, то данные о численности сарматских воинских контингентов интересующего нас региона приводит известный географ Страбон. В своем труде «География» он сообщает, что во время правления Фарнака на Боспоре у его соседей, варварского населения, возникла необходимость выставить воинские контингенты. Исследователи полагают, что в данном случае речь идет о походе боспорского правителя в Малую Азию, который решил вернуть потерянное его отцом, известным царем Понтийского царства Митридатом VI Евпатором, в борьбе с Римом. В состав своего войска Фарнак включил сарматские воинские подразделения: сираков, аорсов и верхних аорсов. Этот поход для Фарнака закончился неудачно, он был разбит Цезарем. События эти относятся к середине I в. до нашей эры.

Страбон приводит численность этих сарматских армий. По его данным, царь сираков Абеак выставил 20 000 всадников; Спадин, царь аорсов – 200 000; а верхние аорсы еще больше, «так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» [Страбон, XI, V, 8]. Если предположить, что аорсы, занимавшие часть междуречья Волги и Дона, мобилизовали в свое войско все мужское население, способное воевать, то вся численность населения аорсов должна составлять не менее миллиона человек (при принятом соотношении 1 воин от 5 человек). А общая численность верхних аорсов должна быть и того больше.

Все эти цифры у исследователей вызвали сомнения, за исключением, может быть, численности сираков. Сираки занимали районы Прикубанья и их численность могла равняться примерно 100 тыс. человек.

Предпринимались попытки разработать независимую методику подсчета кочевого населения сарматского времени. Одну из них применительно к Волго-Уральскому региону в свое время предложил Б.Ф. Железчиков. Суть этой методики в кратком изложении такова, подсчитываются возможности кормовых угодий исследуемого региона, которые могут обеспечить содержание определенного количества скота, за вычетом части кормовых запасов, обеспечивающих существование диких животных. Количество же домашнего скота, которое определяется возможностями данной экологической ниши, в конечном счете определяет численность кочевого населения. Здесь учитывается количество потребления людьми мяса, необходимость регулярного воспроизводства стада, а также социальное неравенство. Во всех этих подсчетах много допущений. Например, явно завышено потребление мяса в пищу кочевниками. Б.Ф. Железчиков полагал, что ежесуточная его норма на душу населения равняется 1 кг [1, с. 56]. Однако этнографические данные свидетельствуют, что мясо у кочевников не являлось повседневной пищей. Так, у основной массы калмыков, когда они вели кочевой образ жизни, мясо редко входило в рацион. В их пище преобладали молочные продукты. Частые мясные блюда могла позволить себе незначительная,

зажиточная часть калмыцкого населения [2, с. 195]. В связи с этим сомнительным является вывод, что для поддержания жизнедеятельности только одного человека необходимо 100 овец, а с учетом необходимости воспроизводства стада, обмена и торговли их количество возрастает до 200. Эти расчеты позволили Б.Ф. Железчикову утверждать, что на территории Заволжья и Южного Приуралья в сарматское время одновременно могло обитать до 10 тыс. человек [3, с. 66].

Демографические подсчеты, основанные на археологических материалах в работах Б.Ф. Железчикова, в еще большей мере субъективны, начиная с указания количества исследованных погребальных комплексов по основным сарматским культурам на территории Заволжья – Южного Приуралья. Так, например, им указывалось, что погребений VI–IV вв. до н. э. исследовано около 2 тыс., IV–II вв. до н. э. – около 5 тыс., I в. до н. э. – I в. н. э. – около тысячи. Однако в составленной самим же Б.Ф. Железчиковым базе данных для памятников VI–IV вв. до н. э. (савроматская культура), причем для более обширного района (с учетом междуречья Волги и Дона), было учтено всего 509 погребальных комплексов [4, с. 53–86]. В совокупной базе, составленной Б.Ф. Железчиковым и мной для сарматских памятников Волго-Уральского региона VI–I вв. до н. э. (по Б.Ф. Железчикову IV–II вв. до н. э.), оказалось не около 5 тыс. погребений, а только 1 215. Ничем не обоснованно утверждение, что эти цифры составляют пятую часть от генеральной совокупности, то есть от всех возможных захоронений каждой из культур.

Оставляя без рассмотрения другие нюансы методики Б.Ф. Железчикова, отметим конечный результат его исследования. Количество кочевого населения, единовременно проживавших на территории Южного Приуралья и Заволжья, по его данным, в VI–IV вв. до н. э. составляло около 10 тыс. чел., в III–II вв. до н. э. около 20 тыс. чел., в I в. до н. э. – I в. н. э. около 5–7 тыс. человек [1, с. 48–60; 3, с. 65–68].

Эти выводы Б.Ф. Железчикова были подвергнуты критике. В.В. Халдеев обнаружил математическую ошибку в подсчетах Б.Ф. Железчикова и, просчитав по его же методике,

получил цифру в 180 тыс. чел., единовременно проживающих в рассматриваемое время на территории Заволжья и Южного Приуралья. Причем эту цифру он считал минимальной, а наиболее вероятная численность населения этого региона, по его мнению, могла составлять 500 000–700 000 человек. При наличии земледельческого населения на этой территории общая численность населения вместе с кочевниками могла равняться 1 000 000 человек [5, с. 230–231].

Такое явное расхождение конечных результатов не позволяет принять эти расчеты как близкие к прошлой действительности. Более реальные сведения, как представляется, по этой проблеме может дать этнографический материал. Наиболее близкой аналогией в данном случае могут быть примеры из калмыцкой этнографии, ведь калмыки вели кочевой образ жизни и занимали ту же экологическую нишу, что и сарматы в более раннее время. На близость образа жизни калмыков и сарматов уже обращалось внимание. Так, А.М. Хазанов отмечал: «Формы кочевого хозяйства сарматов и калмыков демонстрируют принципиальную и очень существенную близость. Эту близость можно объяснить только однонаправленным действием адаптационных процессов в одинаковой экологической среде» [6, с. 219].

Численность калмыцкого населения, занимавшего прикаспийские районы и Нижнее Поволжье в течение XVII–XVIII вв., до ухода в 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию колебалась от 280 000 (1630 г.) до 3 180 000 (1770 г.) человек. Исключение составляет показатель численности калмыцкого населения на 1741 г., который равнялся 228 700 человек. Уменьшение калмыцкого населения в это время связано с затяжной междоусобной войной 30-х гг. XVIII века. Приведенные данные о калмыцком народонаселении опираются на многочисленные письменные свидетельства и переписи калмыцкого населения [7, с. 37; 8, с. 234]. Значительная часть указанного выше периода приходится на то время, когда экономическая и политическая деятельность России существенно не ограничивала кочевья калмыков.

Сопоставление характера распределения археологических памятников сарматского вре-

мени с территорией кочевий калмыков в Поволжье свидетельствует о их совпадении. Это подтверждает тот факт, что маршруты кочевников раннего железного века и калмыков в поволжском регионе были достаточно близкими [9, с. 15–33; 10, с. 36–39]. Территория, занимаемая в прошлом калмыками, с учетом кочевий была шире географического района – Нижнее Поволжье и в некоторой степени сопоставима с той территорией, о которой речь шла в работах Б.Ф. Железчиков. Таким образом, природные ресурсы этого региона, с момента появления здесь калмыков и в течение более столетия, могли обеспечивать содержание названного выше их количества, ведших, как и сарматы, кочевой образ жизни. Данные калмыцкой демографии, по моему мнению, могут являться определенной проекцией для определения численности кочевого населения региона в сарматское время. Калмыки занимали территорию, на которой, судя по Страбону, обитали две группировки аорсов: аорсы и верхние аорсы. Следовательно, общая численность последних была гораздо меньше, чем это следует из данных античного географа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Железчиков, Б. Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. / Б. Ф. Железчиков // История и культура сарматов. – Саратов : Изд-во СГУ, 1983. – С. 48–60.
2. Эрдниев, У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. – Изд. 2-е. – Элиста : Калмыц. кн. изд., 1980. – 284 с.
3. Железчиков, Б. Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. / Б. Ф. Железчиков // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1984. – С. 65–68.
4. Железчиков, Б. Ф. База данных по погребальному обряду савроматской эпохи / Б. Ф. Железчиков // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I : Савроматская эпоха. – М., 1994. – С. 53–86.
5. Халдеев, В. В. Сколько было сарматов? / В. В. Халдеев // Советская археология. – 1987. – № 3. – С. 230–231.
6. Хазанов, А. М. Сармато-калмыцкие параллели : (К вопросу о закономерностях кочевого хозяйства

в однотипной экологической обстановке) / А. М. Хазанов // Проблемы алтаистики и монголоведения : материалы Всесоюз. конф., Элиста, 17–19 мая 1972 года. Вып. I : Серия литературы, фольклора и истории. – Элиста, 1974. – С. 213–219.

7. Колесник, В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. : учеб. пособие / В. И. Колесник. – Элиста : Калмыц. гос. ун-т, 1997. – 135 с.

8. Колесник, В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII ве-

ках / В. И. Колесник. – М. : Восточная литература РАН, 2003. – 286 с.

9. Очир-Горяева, М. А. Некоторые наблюдения по географическому распределению археологических памятников в Нижнем Поволжье / М. А. Очир-Горяева // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – Вып. 7. – С. 15–33.

10. Скрипкин, А. С. Савроматы Геродота / А. С. Скрипкин // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб. : Фак. филологии и искусств С.-Петербур. гос. ун-та, 2009. – С. 29–39.

DEFINING THE NUMBER OF SARMATIAN INHABITANTS IN THE LOWER VOLGA REGION

A.S. Skripkin

Ancient authors usually exaggerated the number of Sarmatian inhabitants. The methods used to solve the problem in the late 20th century led to contradictory conclusions. More objective data of Sarmatian population may be calculated basing on new research results of the Kalmyk ethnography. The Kalmyks were also nomadic people, and occupied the same ecological niche as Sarmatians did in the early Iron Age.

Key words: *Sarmatians, aorsi, demography, ethnography, Kalmyks.*